IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

И

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО РУССКИМЪ ПРОСЕЛОЧНЫМЪ ДОРОГАМЪ.

Шипящій, какъ бокалъ шампанскаго, радужными пузырками, и пустой какъ пузырёкъ, и какъ шампанское приторный Французъ, un pauvre homme de style et d'esprit, мосьё Жюль-Жаненъ, какъ всему русскому и финскому мірамъ извѣстно, написалъ романъ подъ названіемъ «Проселочныя дороги». Въ южной Франціи, вдали отъ большой дороги, родился герой для его романа. Богъ вѣсть что́ за человѣкъ; родился безъ цѣли, воспитывался какъ тыква, въ деревнѣ, былъ юношей миленькимъ, хорошенькимъ, невиннымъ, если только есть невинные юноши, наконецъ возмужалъ; возмужалъ и развратился, и сдѣлался мерзавцемъ первой степени. Похожденія этого негодяя, достойнаго висѣлицы и новѣйшаго французскаго романа, составляютъ содержаніе пресловутаго творенія мосьё Жюль-Жанена.

Проселочныя дороги! Какой предметъ! Право можно было, и стоило, написать что-нибудь лучше о проселочныхъ дорогахъ. Стоитъ ли труда добросовѣстному человѣку шатать-

ся изъ края въ край по государству, сворачивать съ большой дороги въ села и деревни, для того чтобъ отыскивать тамъ негодяевъ, которые и безъ того на каждомъ шагу попадаются на глаза въ городахъ и на большихъ дорогахъ? Какое жалкое употребленіе дарованія — описывать гнусные поступки плутовъ! Какая безнравственная работа — убирать цвѣтами порокъ, причесывать преступленіе, придавать мерзостямъ занимательность, подслащивать изящнымъ разсказомъ, литературной патокой, грязь разврата и нечестія, и вливать ихъ неприметно по каплѣ въ юныя сердца, въ чистыя воображенія! Было бы въ тысячу разъ умнѣе и полезнѣе со стороны «бѣднижки съ остроумiемъ и со слогомъ», если бъ онъ вмѣсто того чтобъ завлекать читателя въ лабиринтъ плутовства, знакомить съ злоумышленіями, велѣть принимать участіе въ порочныхъ людяхъ, заставлять восхищаться продѣлками мошенниковъ и дерзостью нечестія, было бы въ тысячу разъ умнѣе и полезнѣе разсказать намъ что нибудь о проселочныхъ нравахъ и обычаяхъ Франціи, о проселочномъ бытѣ народномъ, о проселочномъ трудѣ и промышлености, обо всѣхъ этихъ любопытныхъ вещахъ, которыя составляютъ внутренности тѣла государственнаго и такъ же занимательны для нравственнаго философа какъ фибры мускуловъ, какъ сосуды животныхъ частей, для анатома.

Тѣшитесь нелѣпыми вымыслами, тѣшитесь безнравственными разсказами, любители и сподвижники «неистовой литературы»! Мы, русскіе люди, при быстромъ развитіи народныхъ силъ нашихъ, не имѣемъ ни времени, ни охоты читать въ деревнѣ похожденія плутовъ и восхищаться ихъ удальствомъ. Другія явленія поражаютъ наши взоры; другіе предметы могутъ доставить намъ источникъ чистаго и патріотическаго восторга. Жителямъ столицъ, привыкшимъ жить въ вихрѣ удовольствій, суетности, тщеславія, видѣть вокругъ себя великолѣпіе и блескъ, покажется невѣроятнымъ, что можно найти на проселочныхъ дорогахъ, въ этихъ *незримыхъ* деревняхъ и селахъ, въ этихъ туманныхъ безименныхъ мірахъ, что-нибудь любопытное и занимательное. Я хочу разувѣрить ихъ въ несправедливомъ мнѣніи, и съ этою цѣлію разскажу имъ свой романъ, подъ названіемъ «Просе-

лочныя дороги», — романъ историческій, но правдивый какъ самая исторія и интересный какъ любовь.

Я странствовалъ за Москву. Я объѣхалъ самый любопытный край Россіи, добираясь до своей отчины гороховскаго уѣзда. Я кружилъ всё по проселочнымъ дорогамъ, проѣхалъ тверскую, московскую, ярославскую, владимірскую губерніи, по тропинкамъ безъ мостиковъ, коснулся нижегородской, и, — странное дѣло! — совершилъ это далекое и опасное странствіе на своихъ лошадяхъ. Я останавливался въ деревняхъ и селахъ, вдали отъ большихъ дорогъ, ночевалъ подъ крышею добрыхъ поселянъ, при свѣтѣ лучины, возлѣ русской печки, — это было въ январѣ мѣсяцѣ 1837 года, — я заводилъ разговоры съ добродушными своими хозяевами о нынѣшнихъ временахъ, о нынѣшнемъ вѣкѣ, о житьѣ бытьѣ и богатствѣ сельскомъ, видѣлъ этотъ бытъ своими глазами и сохраню навсегда въ памяти живыя воспоминанія. Наконецъ, я, не хвастая, открывъ Новый Свѣтъ по середи старой Руси, и, новый Коломбъ, возвратился я домой съ дивными извѣстіями о неизвѣстныхъ вамъ доселѣ народахъ, обитающихъ совершенно всторонѣ отъ всякой большой дороги, по которой вы развозите свое пресыщеніе и свою скуку.

Вы знаете, этотъ обширный и населенный край русской земли, который окружаетъ сердце Россіи, Москву. Бросьте отъ Москвы во всѣ стороны по два девяноста верстъ, а къ востоку и сѣверу накиньте еще съ небольшимъ девяносто, и вотъ вамъ зерно Руси. Здѣсь кипятъ трудъ и промышленость, здѣсь живетъ народъ одноплеменный, умный, смышленый, богобоязненный, живой, дѣятельный, бодрый, предпріимчивый. Предѣлы этого края Вязьма, Ржевъ, Осташковъ, Вышній Волочекъ, Рыбинскъ, Кострома, Нижній Новгородъ, Муромъ, Рязань, Калуга. Ока и Волга приняли его въ свои объятія и охватываютъ его съ обѣихъ сторонъ, какъ-бы двумя руками. Русскій человѣкъ этого края по большей части съ русыми и темно-русыми волосами, съ выстриженной маковкой, красивъ лицомъ, строенъ тѣломъ и всегда веселъ духомъ; въ глазахъ горитъ отвага; поступь гордая и смѣлая, ловкость и щегольство-неразлучные его

товарищи. Синій и темно-сѣрый армякъ, затянутый накрѣпко кушакомъ, синій и красный сарафанъ, кокошникъ и блестящая широкая лента пріятнаго виду, съ напускомъ. сапоги или шерстяные чулки съ чеботами съ краснымъ наборомъ, — вотъ народная одежда мужчинъ и женщинъ всего этого обширнаго края. Обычаи, нравы жителей почти одинаковы. Человѣкъ женится здѣсь для горшка горячихъ щей и для кислаго урѣзнаго квасу, отъ котораго у Нѣмца чуть глазъ не лопается. Здѣсь пословица: что́ русскому здорово, то Нѣмцу смерть. Языкъ чистый русскій. Въ произношеніи въ словахъ измѣняется ц на ч, на т, о на а, но значеніе словъ одно и то же. Духъ языка, составъ выраженій, изображаютъ чистое русское слово. Человѣкъ этого края парится въ банѣ и въ печкѣ чуть не на смерть.

За Вязмой, за Ржевомъ, живутъ бѣлоколпашники и бѣлокафтанники. Сарафанъ замѣняется у женщинъ юбкой, кокошникъ простымъ платкомъ на головѣ. Здѣсь человѣкъ живетъ въ лѣсахъ. Онъ нрава тихаго, уединеннаго. Онъ низокъ ростомъ, робокъ сердцемъ, не прихотливъ на пищу; доволенъ, если онъ ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиной и запиваетъ его чистою водою. О квасѣ нѣтъ въ поминѣ. Языкъ русскій ломанный, странный въ произношеніи и по значенію словъ. Псковское и смоленское племя больше сходно съ бѣлорусскимъ, въ которомъ есть Русь, но какъ лучъ солнечный въ потухающей зарѣ.

За Торжкомъ, за Вышнимъ Волочкомъ, попадается вамъ рыжій Корелъ и Русь, смѣшавшаяся съ скулистою полу-дикою Чудью. За Окой къ Тулѣ встрѣчаетъ васъ степная лѣнь, неуклюжая, которая «прежде пасъ родилась», и беззаботное домоводство. Здѣсь живетъ Русь, отшатнувшаяся отъ роднаго края, изнѣженная, прихотливая, избалованная плодопосною землею и благорастворенным небомъ, которые часто даютъ жителю богатства земли даромъ. Эта Русь покинула синій армякъ и надѣла темно-коричневый кафтанъ и бѣлъ-балахонъ; вмѣсто кокошника носитъ она глупую рогатую кичку; подъ своимъ теплымъ небомъ женщина сбросила съ плечъ сарафанъ и осталась въ одной рубахѣ съ пестрыми рукавами, которую прикрыла поневой, наподобіе шотланд-

ской, пестрой, шахматной ткани. Эта степная Русь живетъ и двигается только для матери нашей масляной гречневой каши, безъ которой и за столъ не садится. Ремесленность въ этотъ край не заглядываетъ.

За Ярославлемъ, за Костромой, за Нижнимъ-Новгородомъ, произрастаетъ Мордва, Чуваши, Черемиса, а въ пустыняхъ расширяется монгольское племя, Калмыки и Татары. Чистое русское племя съ своими коренными, народными нравами сосредоточилось около сердца Матери-Бѣлокаменной. Любопытенъ этотъ край. Онъ живетъ самобытною жизнью и далеко опередилъ сѣверъ, западъ и югъ Россіи промышленостями разнаго роду и торговыми оборотами; онъ добываетъ деньгу деньгою. Отсюда, какъ отъ сердца, разливается по всему тѣлу Россіи трудъ неутомимый и движеніе промышленостей. Ремесла, кажется, родились въ немъ и крѣпко засѣли, какъ лѣсная молодая поросль на нивѣ. Трудъ совершенствуется и достигаетъ искусства самъ собою, по врожденной даровитости жителей.

Даже въ лѣсахъ, которые тянутся на рубежѣ этого края по старицкому и осташковскому уѣздамъ, не умолкаютъ въ самую глухую зиму трудъ и промышленость. День и ночь раздаются удары топора, падаютъ вѣковыя дерева, которыя вывозятся съ дивнымъ искусствомъ по сугробамъ изъ лѣсу на сплавныя рѣки. Весною эти рѣки выносятъ тьмы темъ бревенъ и кокоръ, изъ которыхъ на пристаняхъ рѣкъ Гжати, Возузы, Волги, строятся сплавныя суда. По пристанямъ и въ приволжскихъ городахъ этого края слышатся съ утра до ночи стукъ топора, шипенье пилъ, скрыпъ полоза, подвозящаго для судоходства съ юга и запада Россіи разнообразныя произведенія русскаго сельскаго хозяйства, поступающія въ Петербургъ и за море на десятки милліоновъ рублей.

Извѣстно ли вамъ на границахъ зубцовскаго уѣзда, село Середа, волоколамскаго уѣзда. Въ зимнее время оно то же для зернового хлѣба, что̀ село Сухиничъ калужской губерніи, для постнаго масла, что̀ Гжатскъ, Зубцовъ, Ржевъ, складочныя мѣста для пеньки и сала. Оно пристань сухопутная хлѣбная. Здѣсь бываютъ перевалы хлѣба изъ степныхъ гу-

берній. Еженедѣльно по средамъ съѣзжаются на базаръ степные мужички, московской, тверской, смоленской губерній. Одни продаютъ, другіе покупаютъ цѣлыми обозами рожь, овесъ, ячмень, гречиху, горохъ, и отвозятъ на сѣверъ Россіи за Тверь, за Торжокъ, за Вышній-Волочокъ, къ Старой Руси и къ Нову-Городу, по зимнему пути, изъ небольшихъ барышей. Впрочемъ, этотъ край намъ, жителямъ западной части тверской губерніи, довольно извѣстенъ. Случалось ли кому ѣздить по глухой, пустынной, проселочной дорогѣ со стороны Зубцова къ Москвѣ? Поля худо обработанныя, лѣса, обезображенные порубкой, бѣдныя деревни, — вотъ все, что на этомъ пути представлялось взорамъ. Но я васъ порадую, этотъ край оживаетъ. Ткачество уже разставливаетъ свои станки нанокъ, миткалей, коленкоровъ, кисей, въ селахъ и деревняхъ. Фабриканты этихъ издѣлій, русскіе и иностранные, поселились въ селѣ Городищѣ, старицкаго уѣзда, въ селѣ Волосовѣ, зубцовскаго, въ селѣ Ярополѣ, волоколамскаго, и въ самомъ Волоколамскѣ. Еще въ зубцовскомъ уѣздѣ поселился одинъ молодой, богатый помѣщикъ села Ошуркова, раціональный сельскій хозяинъ, съ разсчетливымъ и прозорливымъ умомъ. Онъ воскрешаетъ суконную фабрику и скоро доставитъ занятіе на тысячу рукъ, не только своимъ, но и посторонимъ крестьянамъ Все это однако жъ есть только заря или, лучше сказать, первые лучи разсвѣта въ сравненіи съ ткацкою промышленостью московской, ярославской и владимірской губерній.

Я выѣхалъ изъ Москвы въ началѣ января мѣсяца 1837 года, и направился въ свою владимірскую отчину гороховскаго уѣзда по Страмынкѣ, проселочной дорогѣ. Начиная отъ подмосковнаго села Черкизова, что за Преображенской заставой, ткацкая промышленость разливается, какъ море, по всѣмъ деревнямъ и селамъ, къ Александрову, къ Юрьеву-Польскому, Ростову, Ярославлю, до Кинешмы, Шуи и Вязниковъ. Въѣзжая въ селеніе зимнимъ или осеннимъ вечеромъ или утромъ, вы удивитесь и невольно спросите: что за освѣщеніе въ этихъ избахъ, отдѣльныхъ отъ общаго посада? Свадьба, поминки, горе или радость зажгли въ нихъ яркіе огни, между-тѣмъ какъ слабый лучъ лучины чуть брезжется сквозь окна другихъ избъ посада? Не горе и не радость, но

ткацкая промышленость. Она поставила, такъ называемыя, свѣтелки на краю или на позадкахъ селенія для безопасности на случай пожара, прорубила въ свѣтелкахъ по три красныхъ окна съ трехъ сторонъ, со входомъ съ четвертой; внутри по стѣнамъ подъ окошками установила станки съ челнокомъ самолетомъ, посерединѣ помѣстила печку и оставила еще мѣста для размотки бумажной пряжи въ шпули; какъ-скоро смеркнется, она засвѣчаетъ передъ каждымъ станкомъ на висячемъ шандалѣ по сальной свѣчкѣ. Въ свѣтелкѣ обыкновенно устанавливается шесть ткацкихъ станковъ; въ ней ночью и днемъ свѣтло, и не только тепло, но даже душно и, правду сказать, не больно чисто. Женщины сидятъ за станкомъ почти въ рубищѣ. «Намъ нѣкогда на себя прясть, говорятъ онѣ, а праздничный сарафанъ не кстати носить за работой.» Въ деревняхъ, въ рѣдкой избѣ вы увидите ткацкій станъ, для бумажныхъ тканей, и то развѣ въ избѣ съ трубой, такъ называемой бѣлой. Однако жъ и въ бѣлой избѣ почти такъ же темно, черно и грязно, какъ и въ курной. Нельзя работать, не запачкавъ ткани. Есть въ деревняхъ этого края обычай пускать въ избу зимою скотину, коровъ, телятъ, свиней, ягнятъ, и кормить ихъ въ теплѣ. Хорошая изба дѣлается оттого не лучше стойла. Для тканья свѣтелки во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе деревенскихъ избъ съ однимъ или съ двумя красными окнами съ лицевой стороны. Но и эти ткацкія свѣтелки суть только зародыши будущихъ чистыхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ фабрикъ. Сельская ткацкая промышленость еще, какъ новорожденное дитя въ колыбели, чуть дышитъ. Она не имѣетъ еще ни достаточныхъ капиталовъ для своего развитія, ни искуства, ни образованности, необходимой для ремесла. Но здѣсь, какъ и вездѣ, при самомъ зарожденіи своемъ, промышленость дѣйствуетъ и раскрывается по своимъ непремѣннымъ законамъ. Необходимое раздѣленіе труда съ нею и здѣсь не разлучно. Дѣйствующими лицами ткацкой промышлености въ здѣшнемъ краю — купецъ, подрядчикъ, хозяинъ и работники. Купецъ — обыкновенно городской житель. Онъ выдаетъ деревенскому подрядчику на вѣсъ основу и утокъ для бумажной ткани. Пряденую бумагу купецъ покупаетъ на свои деньги. Онъ принимаетъ отъ подрядчика вытканный миткаль, коленкоръ, кисею, нанку, так-

же на вѣсъ, сбавляя по нѣскольку фунтовъ на угаръ, то есть, на необходимую растрату хлопчатой бумаги при тканьѣ. Купецъ платитъ деньги съ куска ткани подрядчику; потомъ обдѣлываетъ ткань окончательно, бѣлитъ, катаетъ, краситъ въ ситцы, лощитъ. У инаго купца въ городѣ фабрика на двадцать, на тридцать становъ, но онъ дѣйствуетъ на двухъ стахъ, на трехъ стахъ станкахъ по деревнямъ и селамъ. Купецъ знаетъ одного подрядчика. Подрядчикъ, взявъ у купца пряжу, раздаетъ ее по деревнямъ хозяевамъ, которые содержатъ артели работниковъ и работницъ. Подрядчиково дѣло — отвозить къ купцу издѣліе и привозить изъ городу отъ купца матеріялъ для тканья. Онъ пользуется отъ хозяевъ артелей платою съ аршина ткани за трудъ и посредничество. Хозяева строятъ и содержатъ ткацкія свѣтелки, которыя обыкновенно чуть липпутъ на курьихъ ножкахъ. Хозяева работаютъ ткань своею семьей, и нанимаютъ постороннихъ работниковъ и работницъ въ свои свѣтлицы. Такихъ свѣтлицъ въ деревнѣ бываетъ три, четыре, и болѣе.

Отъ Москвы ткачество раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна идетъ къ Ростову, Ярославлю, Угличу: это ткачество изъ льняной пряжи вырабатываетъ холсты, полотна, столовое бѣлье, скатерти, салфетки. Другая вѣтвь идетъ къ Александрову, Юрьеву-Польскому, до Шуи и Вязниковъ. Здѣсь вырабатываются ткани изъ пряденой хлопчатой бумаги. По настоящему льняныя ткани должны были бы взять верхъ надъ бумажными, сколько по своей прочности, столько по вліянію на сельское хозяйство, которое добываетъ въ нѣдрахъ государства ленъ, и наконецъ по связи съ важною отраслью ремесленности, фабриками писчей бумаги. Но что дѣлать! ткачество бумажныхъ издѣлій видимо усиливается и скоро станетъ вытѣснять промышленость и ткачество льняныя. Пестрота, цвѣтистость, ситцевъ прельщаютъ взоръ и привлекаютъ покупателей. Простонародіе полюбило ситцы. У насъ до сихъ-поръ льняная ткань не выдерживаетъ соперничества по дешевизнѣ съ ситцами, то есть, съ бумажною тканью. У насъ обыкновенно окрашивается только грубая льняная ткань, толстая холстина, въ крашенину на сарафаны и въ набойку на крестьянскія мужскія рубахи и на простые женскіе платки. Тонкихъ полотенъ, которыя могли бы поспорить съ ситцами по добро-

тѣ, узору и живости красокъ, у насъ не красятъ на платье. Это льняное издѣліе еще не дошло до дешевизны, равной съ бумажными тканями; не усвоило искуства, которое вырабатываетъ издѣліе быстро въ большомъ количествѣ и дешево. Это жаль. Вспомнить надобно, что ситцы выдѣлываются изъ хлопчатой бумаги, матеріала, привознаго изъ-за границы, а льняныя ткани изъ своего туземнаго произведенія, льну. Какія бы ни случились перемѣны въ заграничной торговлѣ, у насъ никогда не было бы недостатка въ туземномъ матеріалѣ, льнѣ, для занятія рукъ льняною тканью.

Но что будетъ, то еще впереди. Теперь поѣзжайте отъ Переславля-Залѣсскаго къ Ростову и отъ Ростова къ Угличу, во время осени, и вы увидите на сотни верстъ почти безпрерывныя стлища льну. Въ Угличѣ можно купить, пожалуй, на два милліона рублей холста. Льнянымъ промысломъ, покупкою и продажею трепанаго льну, и отличною его выдѣлкою, славится близъ Углича село Зазерье съ деревнями. Это матка льняная. Необыкновенно хорошею пряжею изъ льну извѣстно село Кубра близъ Ярославля. Десятки тысячъ рукъ заняты этою промышленостью въ ярославской и частію во владимірской губерніи. Въ селѣ Зазерьѣ жила нѣкогда необыкновенная пряха, дѣлонница. Она, изъ своего льну, отпрядала чрезвычайно тонкую, ровную и чистую нитку, и вытыкала изъ своей пряжи такой необыкновенной мягкости, плотнины и тонкости холстину, что ткань ея удостоивалась Высочайшаго вниманія; холстина ея походила на самое лучшее фламандское полотно.

Города Александровъ, Юрьевъ-Польскій, Шуя, и между ними село Иваново, которое принадлежитъ графу Ш*** и не уступаетъ этимъ городамъ ни обширностью, ни красотою строенія, ни числомъ и богатствомъ жителей, суть главныя мѣста ткаческой промышлености бумажныхъ издѣлій. Въ Шуѣ одинъ купеческій домъ заводитъ обширную фабрику для прядевья хлопчатой бумаги; отложилъ на нее милліонъ рублей, а этихъ милліоновъ наличныхъ денегъ есть у него до пяти, какъ гласитъ стоустая; рѣшился не щадить ничего, чтобъ поставить это заведеніе на степень лучшихъ иностранныхъ прядильныхъ фабрикъ. Этотъ купеческій домъ въ Шуѣ,

искони богатый, расчетливый и настойчивый въ исполненіи задуманныхъ предпріятій, имѣетъ всѣ средства, вещественныя и невещественныя, чтобъ сдѣлать свою прядильную фабрику однимъ изъ первыхъ заведеній въ государствѣ. Въ мою бытность фабрика уже отстраивалась и въ нынѣшнемъ 1838 году должна дѣйствовать. Машины выписаны изъ Англіи, искуснѣйшіе мастера предложили хозяину свои услуги. Дай Богъ успѣха заведенію, въ которомъ нуждается наша ткацкая промышленость бумажныхъ издѣлій. Безъ-сомнѣнія лучше намъ самимъ отпрядать хлопчатую бумагу, получая ее прямо изъ Египта, нежели покупать отъ иностранцевъ пряжу и отплачивать ихъ трудъ первоначальной обдѣлки.

Въ Вязникахъ и Гороховцѣ опять встрѣчаете ткачество льняныхъ издѣлій и льняный промыселъ. Первенствующій по уму и богатству, предпріимчивости и оборотливости въ этомъ краю, производитель въ обширномъ видѣ льняныхъ издѣлій—купецъ Вязниковскій Елизаровъ. Домъ его въ Вязникахъ съ обширною полотняною фабрикою не уступаетъ огромностью и красивою архитектурою лучшему столичному дому. Въ десяти верстахъ отъ Гороховца въ лѣсной глуши съ давнихъ временъ стояла на небольшой рѣчкѣ ничтожная мукомольная мельница. Кое-какъ, съ горемъ по поламъ, она колыхала два поставa жернововъ. Купецъ Елизаровъ купилъ это мѣсто, сломалъ дрянную мельницу и поставилъ на этомъ мѣстѣ льно-прядильню на диво цѣлой Европѣ. Струя воды приводитъ въ движеніе двадцать четыре прядильныхъ машинъ по двадцати по четыре веретна; тутъ же есть машины, которыя мнутъ, чешутъ и мыкаютъ ленъ. Пряжа выходитъ тонины удивительной. Еще недавно во Франціи предлагали премію за изобрѣтеніе льно-прядильной машины, которая у насъ въ Россіи давно уже существуетъ. Неусыпно пекущееся о благѣ промышлености правительство великодушно наградило купца Елизарова за изобрѣтеніе. Льняная и пеньковая промышлености могутъ ожидать великой пользы отъ вязниковскаго фабриканта, умнаго, дѣятельнаго и предпріимчиваго. И теперь Елизаровъ пользуется, сколько можетъ, привычнымъ трудомъ своей стороны, пряжею льну, покупаетъ ее въ большомъ количествѣ, ободряетъ льняную

промышленость и даетъ ей лучшее направленіе. Что, если бъ вздумалъ онъ познакомить ее съ брабантскимъ способомъ сѣять ленъ подъ хворостомъ, дятого чтобъ лецъ не матерѣлъ, но вытягивался вверхъ и доставлялъ самое тонкайшее волокно, изъ котораго легко можно отпрядить самой высокой тонины нитку. Этого роду ленъ берется въ сузелень, и на сѣмяна не оставляется. Батисты, кружева, трико и другія тонкія и замысловатыя издѣлія, льняныя и ценьковыя, еще ждутъ ума предпріимчиваго и готовы, чтобы вознаградить трудъ милліонами барышей. За чѣмъ же дѣло? Стоитъ только владѣльцу льно-прядильни, возлѣ нея въ бору, разчистить польцо и, черезъ посредство министерства финансовъ, всегда готоваго споспѣшествовать полезнымъ отечественнымъ предпріятіямъ, выписать какого-нибудь Фламандца, заплатить ему хорошія деньги, перенять искусство посѣва и ращенія льну съ тончайшимъ волокномъ, усвоить это искусство и сдѣлать общенароднымъ. Исполнитель этого предпріятія воздвигъ бы себѣ въ нѣдрахъ отечественной льняной промышлености монументъ вѣчный, котораго «не сломитъ громъ, ни вихорь быстротечный.»

Для многочисленныхъ вязниковскихъ полотняныхъ фабрикъ трудится вся нагорная сторона гороховскаго уѣзда за Клязмой. Поверхность земли за этой рѣкой какъ-будто взволнована, устѣна буграми, возвышенностями, между которыми лежатъ долины, чрезвычайно плодоносныя для льна. Нагорная сторона сѣетъ въ большомъ количествѣ ленъ и отлично обдѣлываетъ его на пряжу, не хуже ростовскаго. Село Фомино, гороховскаго уѣзда, и самъ Гороховецъ составляютъ два главныхъ мѣста для сбыта льну и льняной пряжи. Въ городѣ и въ окрестностяхъ прядутъ удивительной тонины нитки для кружева. Въ десяти моточкахъ вѣсу бываетъ не болѣе шести золотниковъ. Связочки такихъ нитокъ прежде продавались по двѣнадцати рублей, теперь эта промышленость въ упадкѣ: нѣтъ сбыта, потому что нѣтъ хорошихъ, значительныхъ кружевныхъ фабрикъ. Городъ Гороховецъ есть нашъ Гентъ по своимъ ниткамъ. Этотъ городъ еще славится своими зимними базарами и своими садами вишенъ, такъ называемыхъ владимірскихъ. Городъ стоитъ на рѣкѣ Клязмѣ подъ крутымъ берегомъ. По скату берегозому рас-

кинуты вишенные сады. Скажите, спросилъ я у одного обывателя, что это за башенки въ вашихъ садахъ, возвышающіяся надъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ, какъ старинныя бойницы, съ которыхъ метали въ осажденный городъ стрѣлы? Это наши минареты для садовыхъ сторожей. — Отсюда они наблюдаютъ за цѣлостью саду и за сборщицами вишенъ. Садо-хозяева наши нанимаютъ женщинъ съ условіемъ, собирая вишни, непремѣнно пѣть пѣсни. Какъ-скоро подъ инымъ деревомъ замолкаетъ голосъ, знакъ, что уста заняты вишнями. Тотчасъ раздается зыкъ гороховскаго дракона съ минарета, и разгульная русская пѣсня снова разливается по саду. — Для чего протянуты отъ этихъ башенокъ нити по саду въ разныхъ направленіяхъ? — Вы знаете русскую сказку о жаръ-птицѣ и Иванѣ Царевичѣ. Къ клѣткѣ жаръ-птицы, поставленной въ саду, проведены были струны, которыя тотчасъ давали знать о похитителѣ. Въ нашихъ гороховскихъ садахъ веревочки отъ башенъ въ лѣтнее время унизываются бубенчиками, колокольчиками, стеклушками. Какъ-скоро руки сторожа коснутся которой-нибудь изъ нихъ, раздается по саду звонъ, гулъ, бряцанье и пернатые воры, лакомившіеся вишнями, стремглавъ разлетаются съ деревьевъ въ разныя стороны.

На зимніе базары въ Гороховецъ привозятъ изъ низовыхъ хлѣбородныхъ губерній разные съѣстные припасы, хлѣбъ, крупу, муку, горохъ, пшено, рыбу, мясо въ тушахъ. Базаръ здѣсь есть въ то же время тузсмная биржа. Изъ села Мстеры, вязниковскаго уѣзда, въ шестнадцати верстахъ отъ Гороховца, каждый четвергъ пріѣзжаютъ на базаръ два крестьянина, братья Большаковы. Они идутъ по базару — и толпа разступается; кивнутъ головой, — и шапки грядой, какъ отъ могучаго вихря, слетаютъ съ маковокъ. Привѣтъ и уваженіе народное встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ. На братьяхъ Большаковыхъ — тонкаго сукна синіе кафтаны съ позолоченными пуговками, опущенные крыпкой, на ногахъ какъ смоль черные щегольскіе валенцы, зеленаго бархату съ бобровымъ околышемъ шапочки на-бекрень. Что это за люди? Колдуны, сваты-гаврильичи или удалые витязи тайнаго промысла по судамъ на матушкѣ Волгѣ съ своимъ могущественнымъ «Сарынь на кичку?» Нѣтъ, это русскіе туземные братья

Родшильды, банкиры своего края и по своему. Они имѣютъ нѣсколько сотъ тысячъ рублей капитала и оживляютъ ими промышленость своего края и торговые обороты, ссужая промышлениковъ тутъ же, на мѣстѣ ихъ промысловъ, на базарѣ, деньгами. Они раздаютъ деньги мужичкамъ на вѣру, на соѣсть, въ иной базаръ до тридцати тысячъ рублей съ тѣмъ, что выдаютъ имъ цѣлковый по гороховскому курсу, по четыре рубля по двадцати копѣекъ, а ассигнаціи съ промѣномъ девятнадцати копѣекъ на рубль. Лѣтомъ оба брата Большаковы отправляются изъ дому и разъѣзжаютъ по низовымъ губерніямъ, по саратовской и астраханской, гдѣ зимніе ихъ пріятели-должники, окончивъ зимніе промыслы, занимаются лѣтними, рыболовствомъ, добываніемъ соли и другими, на извѣстныхъ притинахъ. Тамъ съ поклономъ и съ «моимъ почтеніемъ» платятся промышленники долгами благодѣтельнымъ братьямъ Большаковымъ, которые за ссуду и одолженіе пользуются тѣмъ, что принимаютъ съ должниковъ цѣлковый рубль по астраханскому курсу, въ три рубля семдесятъ пять копѣекъ, а ассигнаціи безъ промѣна. Это и составляетъ ихъ выигрышъ. Послѣ этого, говори, пожалуй, что нѣтъ ни какой пользы отъ промѣна денегъ! Русскій умъ изъ всего извлечетъ выгоду и все приспособитъ къ дѣлу.

Гороховецъ есть предѣлъ ткачества и пряденья. За нимъ на востокъ къ Горбатову и на югъ къ Мурому возникаетъ другая важная промышленость чугунно-плавильная и желѣзныхъ издѣлій. Въ сорока верстахъ отъ Гороховца есть село Павлово, графа Ш***, и Ворсла, горбатовскаго уѣзда, которыя соперничаютъ съ Тулою стальными и желѣзными издѣліями. Но поѣзжайте отъ Гороховца въ другую сторону на сѣверъ къ Луку и Пучежу, и передъ вами откроется другая природа, сторона ровная, низменная, гороховскіе Нидерланды. Здѣсь другой міръ промысловъ, другая жизнь, другія занятія. Этотъ край лежитъ за гороховскимъ Ущемъ Боромъ, вѣстарину глухимъ, дремучимъ. Этотъ край живетъ собственной своею народною жизнью, удовлетворяетъ своими средствами разнообразныя нужды своихъ селъ и деревень и нужды государства, и весь для чужихъ услугъ. Онъ удивителенъ разнообразіемъ ремеслъ и промысловъ, которыя другому народонаселенію не взойдутъ на умъ; замѣчателенъ

своею предпріимчивостью и прозорливыми соображеніями дѣны и торговли.

Только-что выѣдете вы изъ Гороховца и переправитесь подъ городомъ черезъ рѣку Клязьму, васъ принимаетъ въ нѣдра свои Ущій Боръ краснаго лѣсу, такъ называемый *вязовій*. Вы знаете, что̀ такое въѣзжій боръ? Это обширный лѣсъ, въ который имѣютъ право въѣзжать окрестные жители и рубить лѣсъ, гдѣ угодно и сколько угодно. Встарину, когда отъ лѣсовъ, дикаго звѣря и разбойниковъ, житья не было, и когда лѣсной матеріалъ былъ ни по чемъ, лѣсами не дорожили. Кажется, нарочно имѣли въ виду поощрять жителей, какъ можно скорѣе истреблять дремучіе лѣса, не приносившіе ни какого доходу хозяйству и препятствовавшіе распространенію земледѣлія. Поэтому къ дремучимъ лѣсамъ приписывали разныхъ владѣльцовъ, села и деревни, которыя безъ раздѣла, по произволу, пользовались лѣсомъ на свои нужды, однако жъ не на продажу. Но по пословицѣ «у семи пестуновъ, всегда дитя безъ глазу», вышло, что владѣльцы, не почитая безраздѣльныхъ боровъ своею собственностью, не только не берегли и не щадили ихъ, но другъ передъ другомъ старались истреблять, добывая для себя сколько возможно больше лѣснаго матеріалу, который легко сбывали и на-сторону. Такимъ образомъ прорѣдѣлъ, просвѣтлѣлъ обширный дремучій Ущій Боръ, въ которомъ строеваго лѣсу уже не стало.

Это обыкновенная участь угодьевъ въ черезполосномъ или общемъ владѣніи, гдѣ владѣльцы всѣ хозяева и гдѣ нѣтъ настоящаго хозяина. Благодаря попечительному вниманію правительства нашего, этотъ хаосъ землевладѣнія скоро разсѣется; скоро всякій владѣлецъ узнаетъ свою собственность, какъ она есть и должна быть въ своихъ предѣлахъ, вымежуется, положитъ завѣтныя для другихъ грани, и будетъ имѣть возможность беречь для себя и потомства свои угодья, эти помѣстные капиталы, которыхъ ущербъ и разстройство неразлучны съ разстройствомъ хозяйствъ и обѣдненіемъ края.

Ущій Боръ простирается отъ Гороховца на сѣверъ слишкомъ на сорокъ верстъ. Имъ раздѣляется гороховскій уѣздъ на двѣ половины, на горную, за Клязьмой, и на залѣсную.

Дорога идетъ боромъ. На сорока верстахъ нѣтъ ни одной деревни, ни одной хижины, гдѣ проѣзжающій могъ бы остановиться для отдыха или для ночлега, кромѣ Флорищевой Пустыни иноковъ. Эта обитель помѣщается въ глуши лѣсной, въ двадцати пяти верстахъ отъ Гороховца; за нею боръ идетъ еще на пятнадцать верстъ. Богобоязненные отцы, ревностные сподвижники христіанства, открыли убѣжище для странниковъ въ своей пустынѣ, выстроили, противъ обители, обширный и покойный постоялый дворъ съ двумя половинами, для черни и для особъ высшаго званія. Въ зимнюю стужу и вьюгу, въ осеннюю ночь, въ весенніе разливы и водополь, гостепріимное прибѣжище среди дремучаго лѣсу предлагаетъ вамъ покой, съѣстные припасы, уединенное моленіе и христіанскія бесѣды съ благочестивыми иноками. Эта обитель въ Ущемъ Бору для странниковъ то же, что̀ извѣстный монастырь на Сенъ-Готарѣ.

Въ глухую полночь въ январѣ мѣсяцѣ, по ухабистой дорогѣ, насилу добрался я до постоялаго двора пустыни. Прислужникъ гостиныхъ комнатъ, отставной гвардейскій солдатъ, встрѣтилъ меня и помѣстилъ въ теплыя и чистыя комнаты. Я обрадовался сослуживцу какъ брату. Невольно вспомнили мы о солдатскомъ житьѣ бытьѣ, о прошлыхъ походахъ, о ворѣ Французѣ, о житьѣ въ Парижѣ, и о прочемъ. Наконецъ потолковали о скоротечности времени и жизни, о мірской суетѣ суетъ, объ истинномъ благополучіи и наслажденіи подъ старость лѣтъ пріютиться къ святой обители, жить богобоязненно, уединенно, при храмахъ Господнихъ, кому Богъ приведетъ, и наговорившись до-сыта, легли спать, но дали слово итти непремѣнно къ заутрени.

Гулъ прекраснаго, звонкаго колокола, гармонически раздававшійся по лѣсу, возвѣстилъ намъ о времени заутренняго моленія. Прислужникъ мой, съ фонаремъ въ рукахъ, повелъ меня въ обитель. Съ своими бѣлыми, высокими стѣнами, которыя въ темнотѣ ночной однѣ бросались въ глаза и казались безконечными, необъятными, уходя въ мрачную густоту лѣса, обитель представлялась воображенію таинственнымъ, настоящимъ святымъ городомъ Давида и Соломона. Мракъ, но уже не сонъ, возлегалъ надъ святынею. Пройдя ворота,

мы пробирались мимо келій; оставивъ всторонѣ главную церковь, взошли мы по крутой, широкой, крытой каменной лѣстницѣ во второй этажъ зданія, въ которомъ въ обширной продолговатой залѣ со сводомъ помѣщалась теплая церковь. Колоннами раздѣлялась она на трапезу и настоящую церковь. Служба уже совершалась. Пѣніе и благоуханіе ладона разносились подъ сводами церкви. Ночный мракъ едва разсѣевался теплющимися передъ иконами свѣчами; молящіеся едва были замѣтны вдали, какъ тѣни; необыкновенно пріятные басистые голоса монаховъ на клиросѣ, между которыми звонкій теноръ разливался свирѣлью, внятно возвѣщали молитвы. Въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ монахи стояли возлѣ колоннъ, около стѣнъ. Для извѣстныхъ молитвъ они всѣ сходились передъ царскія двери, приближались тихою поступью, пѣли всѣ вмѣстѣ, молились всѣ вмѣстѣ, и расходились на свои мѣста. Благочестіе написано было на лицахъ Христовыхъ тружениковъ, смиренномудріе выражалось въ моленіяхъ, земные поклоны представляли уничиженіе рабовъ Божіихъ и преданность волѣ Провидѣнія. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ чувствовала все это душа; голосъ мой невольно присоединялся къ иноческому, слезы умиленія не высыхали на глазахъ. Ночь, полусвѣтъ, благочестіе молящихся, трогательное пѣніе братіи, заставляли вкушать неземное блаженство. Душа погружалась въ вѣчность, и, уносясь изъ преходящаго міра, казалось, прикасалась чистаго первоначальнаго источника жизни, правды, благости, премудрости, всемогущества и неистощимаго милосердія.

Флорищева мужская пустынь основана въ 1651 году по благословенію московскаго патріарха Іосифа благочестивыми монахами, отшельниками Моисеемъ и Меѳодіемъ. Они сначала построили деревянную церковь и нѣсколько келій. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, во время своей болѣзни ногами, посѣтилъ Флорищеву обитель, прожилъ въ ней нѣсколько недѣль, полюбилъ ея уединеніе, и пожаловалъ на сооруженіе каменной церкви и келій значительную сумму денегъ. Въ день Успенія Божіей Матери здѣсь бываетъ ярмарка.

На разсвѣтѣ я оставилъ обитель, и еще пятнадцать верстъ проѣхалъ лѣсомъ и десять верстъ открытыми мѣстами до

села Пистяковъ, гороховскаго уѣзда, отъ котораго моя деревня лежитъ въ семи верстахъ. Въ Пистяки я пріѣхалъ въ пятницу, въ базарный день. Едва добрался между толпами народу и между возами, стоящими по обѣимъ сторонамъ улицы съ мукой, крупой, съ рыбой и тушами мяса разнаго роду, до дому бурмистра. Село Пистяки принадлежитъ графинѣ П*** — Что это за обозы съ кипами тянутся у васъ по улицѣ? спросилъ я у бурмистра. И что за лица извощиковъ! Калмыки, Татары! — Точно они, отвѣчалъ бурмистръ: везутъ къ намъ въ село свою ордынскую шерсть, изъ которой мы, и окрестныхъ деревень жители, вяжемъ русскія чулки и варги. Сегодня базаръ. Не угодно ли вамъ взглянуть на нашъ гостиный дворъ, на наше издѣліе и промыслъ, которымъ кормимся?

Лавки такъ называемаго гостинаго двора, плохія, кое-какъ сколоченныя изъ досокъ и занавѣшенныя рогожами, наполнены были шерстяными русскими чулками и варгами и завалены кипами шерсти. Толпы продавцовъ и покупщиковъ окружали лавки. Хозяину нѣкогда перемолвить слова съ человѣкомъ постороннимъ. Около пятнадцати тысячъ душъ крестьянъ въ селѣ Пистякахъ и въ окрестныхъ деревняхъ, въ томъ числѣ и въ моей отчинѣ, промышляютъ вязаньемъ русскихъ чулокъ и варегъ изъ шерсти, которую привозятъ сюда изъ низовыхъ губерній. Въ Пистякахъ одни изъ капиталистовъ крестьянъ торгуютъ шерстью, другіе издѣліемъ. У торговцовъ шерстью крестьяне вязальщики покупаютъ обыкновенно шерсти на цѣлую недѣлю, а торговцамъ чулками и варегами продаютъ еженедѣльное свое издѣліе и на заработки покупаютъ для себя на базарѣ съѣстные припасы, одежду и все, что необходимо для дома на цѣлую недѣлю. Такимъ образомъ вязальщики существуютъ своимъ рукодѣльемъ отъ пятницы до пятницы. Отъ мала до велика, всѣ мужчины и женщины день и ночь вяжутъ чулки и варги, по большой части одною иглой, съ изумительною скоростью. Иные предпочитаютъ иглѣ четыре спицы. Что, если бъ благодѣтельная помѣщица выписала для своихъ пистяковскихъ вязальщиковъ чулочный станокъ! На станкѣ выдѣлываются чулки и перчатки несравненно скорѣе и лучше, нежели руками: заронилась бы въ массу промышленнаго народа искра искусства и живости труда, промыслъ оживился бы,

Пистяки процвѣли и отстроили бы изъ богатствъ своихъ богатый гостиный дворъ, украшеніе села и края.

На Руси съ базарными днями неразлучны разгульное удальство и молодечество, отъ которыхъ мирнымъ и трезвымъ жителямъ часто бываетъ не въ мочь: полезныя занятія ихъ перевертываются вверхъ-дномъ. Село Пистяки отличается въ здѣшнемъ краю порядкомъ и тишиною во время базаровъ. Записные питухи ведутъ себя въ селѣ смирно и осторожно съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ бурмистромъ молодецъ собою, отмѣнно смышленый и трезвый крестьянинъ, торговецъ шерстью. Ему одолжены Пистяки спокойнымъ отправленіемъ своихъ промысловъ.

Видно у васъ, господинъ бурмистръ, нѣтъ въ селѣ веселаго домика, распредѣлителя питій? Народу бездна, однако жъ никто не валяется на улицѣ, не бурлитъ, не бушуетъ, какъ вихорь въ полѣ.

— Есть у насъ негодный кабачишка, отвѣчалъ бурмистръ, но въ трехъ шагахъ отъ него построена наша помѣстная контора. Слава Богу, у насъ въ конторѣ, къ нашему счастью, поселились двѣ матушки-кумушки: совѣсть да строгость! Вотъ, извольте посмотрѣть сюда: идетъ ватага весельчаковъ прошлаго базара. Четверо въ славныхъ тулупахъ, въ казанскихъ шапкахъ: это богатые крестьяне; а возлѣ нихъ пятеро оборванышей; и всѣ они съ метлами въ рукахъ и съ лопатами. Всѣ они за буйство въ прошлый базаръ приговорены конторою мести улицу въ нынѣшній базаръ передъ цѣлымъ народомъ подъ нашею сельскою стражею. Видите, какъ стыдъ надвинулъ на глаза богачей шапки! Не вѣсть что дали бы они, чтобъ не полоть снѣгу и не выносить безчестья отъ своей братьи. Увѣряю васъ, что въ жизнь свою они не забудутъ пистяковскихъ метелъ и лопатокъ, и никогда уже не зашалятъ въ селѣ, хотя бъ и подгуляли.

Честь и хвала твоему благоразумію, Макаръ Иванычъ, архонтъ пистяковскій!

Онъ сказывалъ мнѣ, что торговый оборотъ каждаго базара шерстью и издѣліемъ бываетъ здѣсь до ста тысячъ рублей. Пистяковскіе торговцы чулками и варгами разсылаютъ свой товаръ возами во всѣ края Россіи. Замѣчена здѣсь въ торговлѣ одна неразгаданная причудливость торгу. Если случится въ базарный день теплая погода, то цѣна на из-

дѣліе чулки и варги понижается, въ морозъ возвышается непремѣнно. Вязанье чулокъ и варегъ начинается осенью и продолжается до открытія весны. Лѣтомъ народъ расходится на разные промыслы. Дома остаются женскій полъ, старики и малолѣтные, которые кое-какъ ковыряютъ землю. Земледѣліе здѣсь въ пренебреженіи.

Пистяковцы, занимаясь вязаньемъ чулокъ и варегъ, не имѣютъ времени прясть для себя ленъ и ткать холстину для необходимой одежды. Къ ихъ услугамъ трудится съ окрестными деревнями тысячъ до шести душъ, село Верхній Ландехъ, отъ Пистяковъ въ пятнадцати верстахъ. Оно принадлежитъ разнымъ помѣщикамъ; оно тчетъ синюю пестрядь (бумажную ткань) для крестьянскихъ рубахъ и ковыряетъ лапти. Синей пестряди и лаптей здѣсь выдѣлывается въ годъ болѣе нежели на шестдесятъ тысячъ рублей. То и другое отправляется обозами въ разные города Россіи. Красную пестрядь тчетъ село Васильевское съ деревнями, въ сорока верстахъ отъ Пистяковъ. Въ этомъ же селѣ выдѣлывается на русскіе сапоги кожа. Бѣлую крестьянскую холстину, или такъ называемую новину, работаетъ село Мытъ съ деревнями, въ тридцати верстахъ отъ Пистяковъ. Здѣсь красятъ ее и набиваютъ. Старый и малый обоего пола, день и ночь, прядутъ ленъ на русскую холстину. Въ каждомъ изъ этихъ селъ бываютъ еженедѣльно базары:

Въ Верхнемъ Ландехѣ живетъ еще другой туземный банкиръ, русскій мужичекъ Богатковъ, принадлежащій генералу К***. Это «Гопъ и Компанія» здѣшняго края. Богатковъ вмѣстѣ съ другимъ мужичкомъ, сосѣдомъ, составили товарищество, не на акціяхъ, но на совѣсти; сложились капиталами, и въ базарные дни въ селѣ Пистякахъ, въ Ландехѣ, у Макарія Пурека, въ селѣ Мыту, Холуѣ, раздаютъ деньги въ ссуду промышленникамъ и оживляютъ мѣстную дѣятельность. Общаго капитала у нихъ до двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Я видѣлъ Богаткова у моего хозяина, пистяковскаго бурмистра, на завтракѣ. Богатковъ, мужчина лѣтъ сорока, рослый, черноволосый, дородный; бородку свою подстригаетъ; одѣтъ щегольски на русскій ладъ. Краснобай умный. Онъ хвалилъ свой край и Русь православную; въ пылу разговора со мною о державѣ русской, онъ съ огнемъ въ глазахъ поздравствовалъ чарочкой Царя Бѣлаго, превозносилъ его пре-

мудрость. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собою Кузьму Минина, патріота-простолюдина. Богатковъ и другихъ крестьянъ, почетныхъ торговцовъ, угощалъ мой хозяинъ наславу, подчивалъ чаемъ, бѣлымъ виномъ, рыбой, икрой, драченой, орѣхами, пряниками, черносливомъ. Между каждымъ «нѣмецкимъ» питіемъ и кускомъ тотчасъ появлялся родной батюшка Ерофеичъ, правило и лекарь живота русскаго. Ни одинъ изъ гостей не вышелъ изъ-за стола пьянымъ. — Оттого они и богаты, шепнулъ мнѣ пистяковскій бурмистръ, что никогда не выронятъ изъ головы разуму!

Богатковъ и другіе крестьяне кушали за столомъ мало, пили много, особенно чаю, безпрестанно крестились за каждымъ кускомъ и чаркой, обнимались безъ счету разъ, и за столомъ заключали свои сдѣлки совѣстливо и добродушно. Вставъ изъ-за стола, Богатковъ при мнѣ отсчиталъ одному въ преогромномъ тулупѣ мужичку промышленнику пять тысячъ рублей, съ условіемъ, возвратить деньги черезъ полгода. — Этотъ крестьянинъ вачей деревни? — Нѣтъ. — Такъ по-крайней-мѣрѣ одной барщины? — Нѣтъ, вовсе посторонній. Онъ живетъ за семдесятъ верстъ отсюда, торгуетъ исправно рыбой и хлѣбомъ. — Какъ же ты, господинъ Богатковъ, даешь чужому человѣку значительную сумму денегъ безъ росписки? — Да онъ неграмотной, отвѣчалъ Богатковъ. Все равно, я запишу въ свою книгу, что̀ ему выдано деньги. Меня родители обучили грамотѣ, его нѣтъ, и онъ не виноватъ. — Но онъ можетъ отпереться, скажетъ не бралъ и пиши пропало. — А гдѣ же совѣсть? Государь мой, ваше высокоблагородіе, у насъ всѣ дѣла совѣстныя, а совѣсть дороже росписки. — А сколько берешь ты за ссуду? — Разно, кто что̀ сможетъ. Если иного нашего брата промышленника Богъ благословитъ хорошимъ барышомъ, то такой за ссуду заплатитъ росту больше, другой меньше, а иной и вовсе ничего. Да еще мы ему поможемъ, если стряслась надъ нимъ бѣда немнучая и по Божьей волѣ что̀ потеряетъ! Мы несчастному пріятелю помогаемъ; онъ опять поправляется и потомъ разсчитывается съ нами честно. — А умретъ? — Такъ семья, если не бѣдна, расплатится. Это у насъ бываетъ сплошь и рядомъ. Вѣдь у насъ всѣ дѣла совѣстныя, дружескія, а не судебныя. — Но если иной плутъ прикинется и скажетъ ложно, что разорился, и платить не захо-

четъ? — Этому быть нельзя. Мы другъ друга знаемъ вдоль и поперегъ, и другъ за друга держимся крѣпко. У насъ всѣ промышленники нашего края на слуху, знаемъ, гдѣ кто былъ и что́ добылъ, худо или счастливо промышлялъ; все это намъ извѣстно. Обмануть же удастся однажды. Послѣ уже къ намъ и глазъ не показывай и не живи на свѣтѣ, покинь здѣшнюю сторону и весь свой привычный промыслъ. Не будетъ съ нимъ ни знакомства, ни ему довѣрія. Никто ни какого дѣла не будетъ имѣть съ плутомъ, ребятишки его засмѣютъ на улицѣ. Въ этомъ-то и дѣло, что у насъ всѣ дѣла дружескія и крѣпки словомъ. Вотъ напримѣръ этотъ тулупъ, которому я сейчасъ отсчиталъ деньги: онъ хоть нагольный тулупъ, да подъ нимъ-то душа добрая и честная, да и голова пристегнута къ плечамъ разумная. Дѣтина торгуетъ хорошо, удачно, смышлено, а платитъ долги вдвое лучше того. — Правда твоя, Афанасій Иванычъ! возговорилъ тулупъ нагольный: ты прошлаго года меня выручилъ, а годъ хотѣлъ выучить; ты ссудилъ меня десятью тысячами, и я поправился. Скажи гостю-барину, всѣ ли выплатилъ я тебѣ денежки до копѣечки, и съ благодарностью? Доволенъ ли, Афанасій Иванычъ? — Доволенъ, отвѣчалъ Богатковъ и впредь повѣрю. — А какъ велика была благодарность, спросилъ я? — Объ этомъ его душа знаетъ, да моя, отвѣчалъ тулупъ. Мы оба довольны, и все тутъ. Желаю тебѣ, нашъ другъ *любейзнѣйщій* Афанасій Иванычъ, здравствовать многія лѣта съ хозяюшкой и дѣтками! — Заемщикъ и заимодавецъ налили по рюмкѣ бѣлаго, чокнулись, выпили и обнялись крѣпко. Вотъ вамъ русская биржа и маклерство! Крѣпко у меня закипѣло ретивое; чуть было не дошло до слезъ. Тронулась душа глубоко русскими добродѣтелями, народными, прадѣдовскими, простыми, благословенными. Воображеніе тотчасъ перенесло меня за нѣсколько столѣтій въ глубину прошедшаго. Мнѣ казалось, что я посреди бородатыхъ нашихъ предковъ, дворянъ и бояръ, въ брусяной избѣ, за дубовымъ столомъ, на тесовой чистой лавочкѣ, и вижу ихъ простое, радушное обхожденіе, дружескую связь, основанную на совѣсти и на взаимномъ доброжелательствѣ, безъ всякаго жеманства, хитрыхъ и коварныхъ личинъ нынѣшняго моднаго свѣта. Господа писатели о финансахъ и кредитѣ! въ совѣсти ищите основаній кредита, довѣрія; на-

родною совѣстью и честью поднимайте довѣріе и кредитъ, о которыхъ такъ много нынче говорятъ и пишутъ ученые по уму, но безъ участія сердца и опыта.

Съ пистяковскимъ бурмистромъ мы ѣздили въ село Нижній-Ландекъ. Тамъ сосредоточивается помѣстное управленіе отчинъ графини П***. Тамъ живетъ и главный управляющій. Нижній-Ландекъ не село, а городокъ, съ великолѣпною дву-этажною церковью, построенною усердіемъ крестьянъ, и съ нѣсколькими улицами, которыя застроены большею частію каменными домами. Главный управляющій былъ старый мой знакомецъ, Членъ Вольнаго Экономическаго Общества, ротмейстеръ екатерининскихъ временъ, теперь его высокоблагородіе, надворный совѣтникъ фонъ Г***. Ему давно ужъ за семдесятъ лѣтъ, но время, кажется, не прикоснулось къ нему своимъ разрушительнымъ крыломъ. Какъ юноша онъ бодръ, какъ тополь прямъ, какъ книга уменъ и говорливъ, распорядителенъ и справедливъ, да прямодушенъ въ управленіи. Въ отчинахъ его любятъ и уважаютъ. Онъ во всемъ еще неистощимъ, и въ душевныхъ и въ физическихъ силахъ. Третья супруга услаждаетъ его путь жизни. Мы обрадовались неожиданному свиданію, какъ воронъ ворону. Разговорились мы о московской и петербургской «агрономіи», о различіи ея отъ народнаго хозяйства, о житьѣ бытьѣ здѣшняго края. Бесѣда съ маститымъ старикомъ-юношей останется навсегда незабвенною въ моей памяти. Послѣ обѣда мы ходили по селу, по заведеніямъ фонъ Г***, и осматривали великолѣпную церковь.

—Это село, сказалъ мнѣ фонъ Г***, есть гнѣздо торговцевъ краснымъ товаромъ. Мужички большіе капиталисты. Они посылаютъ такъ называемыхъ ходебщиковъ (разносчиковъ) съ разнымъ краснымъ товаромъ въ Малороссію, на Украйну, получаютъ большіе барыши, богатѣютъ, строятъ себѣ каменные дома, выписываютъ для своихъ домовъ мебель изъ Москвы, одѣваютъ женъ своихъ въ левантинъ, да еще во французскій. Когда женятся, то дай невѣстѣ шубейку соболью, да салопъ на чернобурыхъ лисицахъ. Человѣкъ здѣсь удивительно промышленый. Да и весь здѣшній край на-чудо. Народъ чертовски смышленъ, оборотливъ, предпріимчивъ. Богъ знаетъ, чего онъ ни дѣлаетъ, и какими ремеслами и рукодѣльями ни занимается! Оброки платитъ онъ исправно и безнедоимочно; и оброки свои разсчитываетъ по

своему обычаю: а кто ввелъ этотъ обычай, не доберешься. Вотъ этотъ мужичокъ, что провожалъ насъ въ церковь, староста церковный, старичокъ, живетъ одинъ душою на углу въ каменномъ домѣ. Дѣтей онъ не имѣетъ, а платитъ четыреста пятдесятъ оброковъ съ одной души. — Что это значитъ? спросилъ я. — Странное заведеніе! Здѣсь считаютъ оброки паями, или участками; каждый участокъ, или пай, состоитъ изъ семидесяти пяти копѣекъ, а въ Верхнемъ Ландекѣ изъ тридцати копѣекъ. У насъ иные мужички платятъ по сту пятидесяти, по двѣсти, по триста и болѣе оброковъ въ годъ, то есть, по сто двѣнадцати рублей пятидесяти копѣекъ, по сто пятидесяти рублей, по двѣсти двадцати пяти рублей, и такъ далѣе. Оброки здѣсь платятся не съ земли, которой весьма много, но которой никто не обработываетъ кромѣ бѣдняковъ безкапитальныхъ. Земледѣліе въ совершенномъ пренебреженіи. Зимою изъ низовыхъ губерній привозятъ сюда все, что душѣ угодно. Здѣсь можно купить за дешевую цѣну всякіе съѣстные припасы, муку, крупу, солода, горохи, толокно, рыбу, мясо. Поэтому здѣшніе крестьяне о своей землѣ не заботятся, собираютъ большею частію сѣно, а хлѣбомъ съ своихъ полей не прокармливаются и до Михайлова дня. Оброки платятся здѣсь съ промысловъ и, какъ промыслы, они ежегодно измѣняются. Ежегодно крестьяне выбираютъ между собою людей добросовѣстныхъ, которые, какъ римскіе цензоры, ходятъ по дворамъ: зная всѣхъ мужичковъ на изустъ и всѣ ихъ промыслы и доходы на перечетъ, они устанавливаютъ, сколько каждый хозяинъ дому можетъ платить съ своей семьи оброку на предбудущій годъ. Иной платилъ прошлаго года двѣсти оброковъ, на будущій годъ будетъ платить двѣсти пятдесятъ, потому что послалъ отъ себя больше ходебщиковъ съ товаромъ, и на-оборотъ. Оброкъ здѣсь, повторяю, установляется съ промысловъ.

Нынче безъ умолку толкуемъ мы вкось и впрямъ объ оцѣнкѣ земли и о платѣ оброка съ количества земли. Съ такою платою въ нашихъ промышленыхъ краяхъ наплачешься: тотчасъ сдѣлаешь глупѣйшій промахъ въ хозяйствѣ. Положивъ оброкъ съ земли, которая здѣсь большею частію лежитъ впустѣ, невоздѣланная, какой можно надѣяться получать доходъ отъ помѣстья съ крестьянами не земледѣльцами, но промышленниками ремесленными и торговыми? Ничтож-

ный! Если помѣщики станутъ принуждать мужиковъ брать землю въ большомъ количествѣ *для* большей платы оброковъ, и если станутъ заставлять ихъ сидѣть дома и пахать землю, то разстроится обычный народный трудъ, перервутся прибыльные промыслы, ремесленные и торговые. Ко вреду края, остановится движеніе капиталовъ, которые употреблены уже на промышленности, а земледѣліе по-прежнему останется въ младенчествѣ, потому что ни мужички, ни даже наша братья помѣщики, не умѣемъ производительно, то есть, съ пользою, класть въ землю капиталовъ и получать отъ нея отличные доходы, для которыхъ нужно искусство, вовсе незнакомое нашимъ крестьянамъ. Земледѣліе, сколько бы мы къ нему ни принуждали, всё-таки не улучшится, оставаясь при своихъ прадѣдовскихъ дрянныхъ орудіяхъ, и при своемъ обычномъ, безотчетномъ дѣлопроизводствѣ. Въ промышленостяхъ, ни мечтательность безъ опытности, ни упрямая настойчивость безъ знанія мѣстности, ни куда не годятся. Напрасно стали бы мы итти вопреки мѣстныхъ средствъ, на перекоръ труду, освященному временемъ, труду привычному и притомъ выгодному и общеполезному. Мечты не выполнятся на-дѣлѣ: онѣ лопнутъ, какъ дождевой пузырь; новизна неумѣстная, сколько бы ни была блистательна въ ученыхъ книгахъ и у иностранцевъ, и навѣрное не удается на опытѣ. Нашъ здѣшній промышленный народъ не привыкъ вовсе еще къ земледѣлію; онъ станетъ отпираться отъ земли, станетъ брать какой-нибудь клочокъ и платить за него оброкъ самый малый. Съ землею ремесленному и торговому человѣку и не сладить!

Знаете ли, здѣсь даже не тягла и не вѣнцы даютъ хорошіе оброки, но именно душа, другими словами, личная промышленость крестьянина? Здѣсь старикъ-капиталистъ, посылающій пятокъ другой ходебщиковъ съ товаромъ, платитъ вамъ втрое больше оброку нежели четверо молодцовъ безкапитальныхъ. Одинъ душою, но умный, заботливый, трезвый, крестьянинъ замѣняетъ вамъ по оброку пятерыхъ сильныхъ, здоровыхъ неучей, бѣдняковъ, гулякъ, у которыхъ нѣтъ за душою ни ремесла ни копѣйки денегъ. Надобно знать край, мѣстность, народные промыслы и по нимъ хозяйничать, по нимъ располагать мѣстное управленіе, и назначать доходы, а не по догадкамъ и по росказнямъ иностранцевъ о томъ,

что у нихъ дѣлается. Намъ русскимъ не бывать заморщиной. Плата оброковъ съ земли еще далеко отъ насъ.

Подумайте сколько нибудь: при нашихъ обширныхъ, пахотныхъ поляхъ, худо обработанныхъ, истощенныхъ, при нашемъ дѣлопроизводствѣ, еще незнакомомъ съ искусствомъ земледѣльческимъ, что̀ сдѣлаетъ добраго кадастръ? Можетъ ли придать цѣнности оцѣнка, увеличить доходъ помѣстья или плодородію нашихъ необъятныхъ угодій, такъ называемыхъ отхожихъ пустошей, которыхъ бо́льшая часть лежитъ подъ ничтожными лугами, производящими тощія травы, подъ болотами, вовсе ничего непроизводящими, подъ лѣсною порослью и кустарникомъ, которые даютъ только малоцѣнный хворостъ на топливо? Можно сказать безошибочно, что земля, не доведенная до неизмѣнной силы плодородія, и постоянныхъ урожаевъ, или что одно и то же, доходности, не можетъ быть мѣриломъ промышлености и прибылей. Не естественно ожидать вѣрныхъ и постоянныхъ доходовъ отъ земли, предоставленной на произволъ природы и невѣжества. Въ иной годъ поле доставляетъ урожай, но зато два, три года производитъ только сорныя травы; и земледѣлецъ только что переводитъ хлѣбъ изъ поля въ поле; въ вознагражденіе трудовъ своихъ получаетъ одну мякину и не знаетъ какъ ухитриться, чтобъ прожить съ семьей до новой жатвы.

При этомъ нельзя не взять въ разсчетъ хозяину и того, сколько въ великороссійскихъ губерніяхъ посвящается времени на земледѣліе? Четыре, пять мѣсяцевъ не болѣе. Въ остальныя двѣ трети года земля лежитъ безъ производимости, омертвѣлою. Какъ возможно послѣ этого безъ ошибки основывать годовый доходъ на одной трети времени и труда втеченіи года? Нашему великороссійскому мужичку необходимо присоединить къ сохѣ еще посторонній промыслъ на семь мѣсяцевъ не-земледѣльческихъ. Онъ долженъ снаряжать телѣгу, сплавлять суда, дѣйствовать топоромъ, иглой, ставить ткацкіе станки на осень, на зиму, на раннюю весну. Въ нашъ вѣкъ отъ одного земледѣлія мужику не разбогатѣть и не разжиться.

Вотъ вамъ факты. На поперечникѣ ста верстъ, котораго центромъ село Пистяки, помѣщаются села и деревни съ народомъ, который совершенно понялъ по уму и опыту

свою природу, мѣстность, положеніе и свои выгоды, и который по нимъ расположилъ жизнь свою и промыслы. Слушайте, слушайте. Вы уже знаете, чѣмъ промышляютъ Пистяковцы въ осеннее и въ зимнее время; чѣмъ занимаются селы Верхній Ландекъ, Васильевское, Мытъ и Нижній Ландекъ. Но вотъ еще примѣры: отъ Пистяковъ въ двадцати пяти верстахъ находятся на границѣ владимірской губерніи село Макарій Пурехъ, балахинскаго уѣзда нижегородской губерніи, отчина, принадлежавшая нѣкогда князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Теперь оно принадлежитъ графинѣ М***. Въ этомъ селѣ и въ окрестныхъ деревняхъ мужички по зимѣ, но осени и весной, и даже лѣтомъ, дѣлаютъ деревянную посуду, ложки, чашки, точатъ веретена, дѣлаютъ кудели, гребни, ткутъ синюю и красную пестрядь.

Вамъ не случалось быть въ этомъ достопамятномъ селѣ? Народъ путешествуетъ туда, какъ Турки въ Мекку, съ благоговѣйнымъ усердіемъ для колѣнопреклоненія въ старинной церкви, построенной знаменитымъ бояриномъ княземъ Д. М. Пожарскимъ. Церковь дву-этажная. Въ верхней церкви передъ царскими дверьми развѣшена та самая хоругвь, съ которою князь Пожарскій ходилъ спасать Москву съ нижегородскою ратью. На одной сторонѣ хоругви нерукотворенный ликъ Спасителя, на другой Іисусъ Навинъ, выходящій на брань и встрѣчающій ангела. Народъ повергается толпами ницъ передъ этою святынею.

Церковники вамъ покажутъ печатное Евангеліе, подаренное сыномъ князя Дмитрія Михайловича княземъ Петромъ и подписанное его рукою, также нѣсколько утвари, подаренной самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ. Покажутъ вамъ гривну, которую носилъ князь на шеѣ на голубой лентѣ, и самую эту ленту; также покажутъ перевязь, которую князь носилъ черезъ плечо. Эта перевязь — алая лента съ желтыми каймами. Все это видимо новѣйшія древности. Гривна — не что иное какъ родъ звѣзды, шитой канителью; на ней изъ канители же вышитъ крестъ; въ немъ по краямъ вышиты буквы P. F. P. L., то есть, pro fide, patria et lege. Это, кажется, одинъ изъ девизовъ прежней Польши. Отъ села въ двѣнадцати верстахъ вамъ покажутъ мѣсто, на которомъ видны валъ и развалившіеся каменные погреба. Здѣсь, ска-

жутъ вамъ, была усадьба княжая любимая, въ которой часто жилъ князь Дмитрій Михайловичъ и охотился. Достовѣрно только то, что весь здѣшній край, начиная отъ села Мыта, принадлежащаго теперь князьямъ Г***, по обоимъ берегамъ рѣки Лухъ, которая взялась отъ села Мыту, протекаетъ близъ Пистяковъ и идетъ къ селу Макарію Пурехѣ, нѣкогда принадлежалъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Это было его помѣстье, которое потомъ пожаловано ему за заслуги царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ родовую отчину. Вы знаете, что встарину съ помѣстьевъ служили; раздавались земли пустопорожнія, иногда съ крестьянами, или, какъ прежде говорили, верстались, смотря по чину и занимаемому мѣсту на службѣ, помѣстными окладами. За оказанныя царю и отечеству услуги жаловались помѣстья въ родовыя вотчины. Помѣщики не имѣли права сводить крестьянъ съ помѣстныхъ земель на отчинныя. У меня есть копія съ жалованной грамоты Царя Михаила Ѳеодоровича князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому. Въ ней эти мѣста подробно описаны. Многія названія пустошей и деревень остались, многія исчезли, возникли другія съ другими деревнями. Вотъ вамъ для любопытства хартія, прочтите.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА

государя царя Михаила Ѳеодоровича боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому.

«Божіею милостію, Мы Великій Государь Царь и Великій «Князь Михаилъ Ѳеодоровичь, всея Руссіи Самодержецъ, «пожаловали боярина Нашего князя Дмитрія Михайловича «Пожарскаго, за его къ Намъ и всему Московскому Госу«дарству службу: какъ во 126 году (7126 или 1618) пришелъ «подъ Наше Государство подъ Москву литовскаго короля «Жигимонтовъ сынъ, Владиславъ, и во 127 году стоялъ подъ «Москвою со многими польскими и литовскими и съ нѣмецкими «людьми и съ Черкесы, и московское государство всякими «умыслы и прелестью прельщалъ, и жестокими приступами «доступалъ, и хотѣлъ разорить до основанія. И боярин «Нашъ князь Дмитрій Михайловичъ съ Нами Великимъ Го«сударемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодо«ровичемъ всея Руссіи на Москвѣ въ осадѣ сидѣлъ, и про«тивъ королевича Владислава и прочихъ людей крѣпко сра-

«жался, и многую службу показалъ. И королевичъ Влади-«славъ и прочіе, слыша Нашихъ людей твердость, а бояръ «нашихъ и воеводъ, которые были на Москвѣ и изъ осады «посланы по городамъ, видя надъ собою прямое и крѣпкое «стоятельство, учинили съ боляры нашими и со всею москов-«скаго государства землею перемиріе, и изъ государства «королевичъ съ прочими людьми вышли въ Литву, Польшу «и города. И за тѣ службы, Мы Великій Государь Царь и «Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Руссіи Само-«держецъ, пожаловали боярина Нашего князь Дмитрія Ми-«хайловича Пожарскаго, изъ его помѣстья въ отчину, въ «суздальскомъ уѣздѣ села Мыту съ деревнями, что осталось «у сына его князь Петра, за вотчинною дачею деревни Дед-«ковѣ, Кресты, Леушино, Уланово тожъ, Максимово, Ка-«пинская и Волки тожъ, на рѣчкѣ на Каменкѣ, Смачинское, «Бараново тожъ, Мартыновка, Игнатомыцкая на рѣкѣ на «Луку, Оксельнова, Редозубово тожъ, въ деревнѣ Шанатихѣ «Нетелино тожъ, Починокъ Павлыгинъ на рѣчкѣ на Тахѣ, «Надтеховская, Аверьино тожъ; на Луху, починокъ Княжая «Свча, Шмаскова тожъ; на рѣчкѣ на Минкѣ деревни Дерев-«нище, Задняя тожъ, Евфалово на рѣчкѣ на Луху, пустоши. «Будково, Кокоревская на рѣкѣ на Луху; къ Балахнинской, «да къ подмосковной его вотчинѣ со всѣми угодьи, съ лѣс-«ными ухожьи и съ рыбными ловли и съ Мацкимъ кабакомъ «и съ тамгою (пошлиною) и съ новыми починки (поселенія-«ми на расчищенномъ лѣсномъ мѣстѣ), кои стали послѣ пис-«ца и по старымъ межамъ, какъ изстари къ селу къ Мыту, «къ деревнямъ и къ пустошамъ; а по списку съ писцовыхъ «книгъ, письма и мѣры Луки Новосильцова 99 года, въ тѣхъ «деревняхъ и пустошахъ пашни 173 четверти въ полѣ, а въ «дву по тому жъ; да изъ подмосковнаго помѣстья въ Танин-«ской волости, пустоши Филино, Понова, Подберезье, «Лазыево, Федоровская, а въ нихъ по дозору Никиты Мол-«вянинова 125 года написано: пашни 50 четвертей въ полѣ, «а въ дву потомужъ, да въ Дѣблинскомъ стану пустоши: Де-«мидково, Худково тожъ, Сидорково и Павлиново 20 четвер-«тей въ полѣ, а въ дву по тому жъ; да въ Звенигородскомъ уѣз-«дѣ деревня Порѣчье съ пустошьми 30 четвертей, всего 273 «четверти со всѣми угодьи, какъ изстари къ тѣмъ деревнямъ «и пустошамъ по старымъ межамъ, съ отхожими пожнями

«(сѣнной покосъ, лугъ) и осталось у Дмитрія Пожарскаго «села Мыту за вотчинною дачею и у сына его Петра въ селѣ «въ Мыту деревень и пустошей 137 четвертей, и тою вот- «чинною Суздальскаго помѣстья землею указали Мы владѣть «въ помѣстьѣ боярину Нашему князь Дмитрію Михайлови- «чу Пожарскому, до большихъ писцовъ и мѣрщиковъ; а какъ «будутъ въ Суздалѣ писцы наши и мѣрщики, и они ту вот- «чинную землю отъ помѣстной, что осталось у князя Дмит- «рія Михайловича за вотчинною дачею, отмежуютъ, и на ту «вотчину велѣли Мы дать сю нашу Царскую жалованную «грамоту за красною печатью; а въ той вотчинѣ онъ боя- «ринъ Нашъ Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и его дѣти и «внучаты и правнучаты вольны, вольно ему и его дѣтямъ, «внучатамъ и правнучатамъ продать, заложить и въ прида- «ное дать и въ монастырь по душѣ до выкупа отдать. А «кто буде изъ роду его ту вотчину изъ монастыря похочетъ «выкупить, и ему ту вотчину выкупить цѣною по указу, про- «тивъ дачь, дать за четверть по полтинѣ; а буде продастъ «въ чужой родъ, а кто буде его роду захочетъ ту вотчину «выкупить.... (за заклейкою невидно) Уложенью, какъ родо- «выя и купленныя вотчины выкупаютъ; а буде у него родня «останется, а выкупать не похотятъ, и ту вотчину изъ мо- «настыря взять на Насъ, а деньги въ монастырь дать за нее «изъ Нашей казны по полтинѣ жъ за четверть, а въ мона- «стырь та вотчина некрѣпка; а буде у него дѣтей и роду не «останется, а останется жена, и ей владѣть по свой животъ, «и послѣ ея живота ту вотчину для мужа своего и своего «помина отдать въ монастырь до выкупа, а изъ монастыря «выкупить на Насъ и заплатить по полтинѣ за четверть; и «буде жена его во вдовахъ и не постриженся, и ту вотчину «вольна продать и заложить; а буде жена его останется без- «дѣтна и вдовой сидѣть и постричься не захочетъ и пойдетъ «замужъ, и ту вотчину взять на Насъ въ помѣстныя земли; «а мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ Нашей казны «деньги, какъ изъ монастыря указано выкупить, а жениха ея «пожалуемъ изъ той ея вотчины въ помѣстье по Нашему Цар- «скому разсмотрѣнію, что доведется. Писанъ въ Москвѣ, лѣта 7128 сентября 19 дня.»

«Выписана по городу Владиміру изъ книги молодыхъ лѣтъ № 36.»

Нельзя не удивиться чистотѣ и естественности русскаго языка этой грамоты!

За Макаріемъ Пурехомъ верстахъ въ двадцати пяти лежитъ на Волгѣ знаменитое село Городецъ разныхъ помѣщиковъ. Здѣсь зимою бываютъ необъятные базары на Волгѣ съ разнымъ хлѣбомъ, мясомъ и издѣліями всякаго роду, нужными для крестьянскаго быту. Возы стоятъ на рѣкѣ верстъ на пять въ нѣсколько рядовъ. Въ селѣ шьютъ сапоги и рукавицы и пекутъ въ большомъ количествѣ пряники, которые развозятъ по всему русскому царству. Одинъ помѣщикъ здѣшняго края устроилъ фабрику картофельной патоки, которая на подхватъ разбирается на пряники, и отъ фабрики помѣщикъ получаетъ отличный доходъ. Въ окрестныхъ деревняхъ работаютъ русскія шляпы и валенки, которыхъ выходитъ отсюда на полмилліона. Есть много мужиковъ горшечниковъ, заводятся фаянсовыя фабрики. Въ Городецъ стекаются шерстобиты и портные цѣлыми сотнями. Они здѣсь находятъ себѣ хозяевъ, составляютъ артели и расходятся съ хозяевами по мѣстамъ, ими заготовленнымъ, на работу. На Волгѣ многіе крестьяне работаютъ большія суда, называемыя расшивами, а другіе сплавляютъ эти суда. Здѣсь найдете самыхъ искусныхъ и опытныхъ водоходцевъ на Волгѣ. Надобно видѣть, а не пересказывать о дѣятельности этого села и окрестныхъ деревень. Трудъ кипитъ; народъ толпится на работѣ, какъ муравьи, во всякое время года. Въ семи верстахъ отъ Пуреха есть село Вершилово. Здѣсь живутъ коренные каменщики и подрядчики на каменную работу. Подрядчики собираютъ артели каменщиковъ и ходятъ съ ними въ Оренбургъ, въ Астрахань, въ Москву, въ Петербургъ, въ Малороссію, словомъ, обстроиваютъ цѣлую Россію. Спросите, гдѣ нѣтъ на каменныхъ постройкахъ владимірскихъ каменщиковъ. Они отмѣнно искусны въ своемъ дѣлѣ и плутоваты съ тѣми, которые не имѣютъ понятія о постройкѣ. Въ сосѣдствѣ находится село Мугрево. Оно также посылаетъ ходебщиковъ на Украйну. Въ немъ живетъ множество прасоловъ, которые закупаютъ скотъ, хлѣбъ, рыбу, и изъ барышей торгуютъ. Село Палехъ принадлежитъ генералу Б***. Архитектура избъ, или лучше домиковъ крестьянскихъ, необыкновенная. Правда, въ здѣшней сторонѣ въ каждомъ городѣ и въ каждомъ большомъ селѣ вы

замѣтите постройку на свой особый ладъ, туземную, народную, отличающуюся въ наружныхъ украшеніяхъ домовъ, свѣтелокъ, или по нашему мезониновъ, въ украшеніяхъ воротъ и оконницъ отъ всякой другой постройки московской и тверской. Въ селѣ Палехѣ у всѣхъ домовъ оконницы раскрашены, у другихъ обиты тесомъ цѣлые дома и раскрашены вовсе, не гнусно, но пріятно для глазъ. Надъ каждымъ домомъ возвышается свѣтелка какъ игрушечка, съ затѣйливою рѣзьбою, съ колонками, съ полукруглыми надъ карнизомъ окошками, со стрѣлами и фестонами, изъ которыхъ многіе раскрашены, а другіе и вызолочены. Въ Палехѣ пишутъ образа. Въ нѣсколькихъ верстахъ есть село Хо́луй. Тамъ коренные живописцы и жесточайшіе пьяницы. Это село казенное. Образа ихъ извѣстны въ Россіи подъ именемъ суздальскихъ: эти села дѣйствительно суздальскаго уѣзда. Зимою къ нимъ привозятъ возами доски на образа. Отъ Хо́луя влѣво къ Пистякамъ лежитъ село Мордвиново. Въ немъ съ давнихъ временъ укоренилось искусство плотническое. Оно переходитъ изъ рода въ родъ. Мордвиновцы выстроятъ вамъ хоть дворецъ деревянный, прочно и превосходно.

Всѣ эти села, о которыхъ я говорилъ вамъ, принадлежатъ помѣщикамъ. Помѣщики истинно съ отеческою заботливостью пекутся о своихъ крестьянахъ, которые годъ отъ году становятся зажиточнѣе и богаче. Сюда-то, въ здѣшній край, надобно пріѣзжать учиться, какъ управлять русскими отчинами и дѣлать ихъ богатыми и благополучными. Одна изъ главныхъ пружинъ благосостоянія помѣщичьихъ селъ та, что помѣстныя конторы строго наблюдаютъ за жизнію и промысломъ крестьянъ, и тѣмъ удерживаютъ ихъ отъ дурной жизни и дурныхъ промысловъ. Сверхъ-того значительные оброки побуждаютъ каждаго къ дѣятельности, которая здѣсь совершенно укоренилась. Прибавьте ко всему этому свободу въ выборѣ промысловъ и безпрепятственное, по милости правительства, отправленіе всякаго роду промысловъ, къ которому кто изъ крестьянъ привыкъ и склоненъ. Вотъ вамъ въ главныхъ очеркахъ настоящій бытъ здѣшній.

Добавимъ, что въ каждомъ селѣ бываетъ разъ въ недѣлю базаръ. Я нигдѣ не видалъ такого удобства для базаровъ и столь прекрасной архитектуры рядовъ и лавокъ, какъ въ селѣ Оньковѣ, покойнаго генерала С***. Здѣшніе промыш-

ленники цѣлую зиму и осень снуютъ изъ одного селенія въ другое на базары, закупаютъ, что́ нужно для городовъ и развозятъ свой товаръ по разнымъ губерніямъ, даже вещи прихотливыя. Однажды мнѣ случилось проѣзжать селеніе, не помню, какъ называлось, ростовскаго уѣзда. Я оглушенъ былъ, въѣзжая въ селеніе, куринымъ крикомъ. Это селеніе закупаетъ по деревнямъ тысячи куръ и пѣтуховъ, легчитъ пѣтуховъ, скоро и превосходно откармливаетъ, и доставляетъ въ Москву и въ Петербургъ пулярдъ и каплуновъ. Народъ здѣшній не домосѣдъ, какъ-скоро не занятъ какимъ-нибудь ремесломъ дома: расходится, разъѣзжается по разнымъ губерніямъ, сплавляетъ суда, торгуетъ, особенно краснымъ товаромъ, волочетъ за собою по нѣскольку возовъ товару, строитъ, огородничаетъ, содержитъ трактиры, харчевни, привозитъ и приноситъ кучи денегъ, и живетъ припѣваючи; одѣвается щегольски и отнюдь не забываетъ о «не своемъ-братѣ» животѣ. Безъ ситнаго хлѣба и безъ пшеничнаго пирога, хорошій промышленный крестьянинъ не садится за столъ.

Не менѣе замѣтно здѣсь стремленіе къ грамотности. Во многихъ селеніяхъ учатся грамотѣ крестьянскіе мальчики и дѣвочки, но по-своему. Ходятъ по селеніямъ пожилыя дѣвы, крестьянки, большія богомолицы и чтецы церковныхъ книгъ. Эти дѣвы обучаютъ грамотѣ крестьянскихъ дѣтей по церковнымъ книгамъ и тѣмъ живутъ. Ученье обыкновенно начинаютъ азбукой, потомъ переходятъ къ часовнику и довершаютъ псалтыремъ. Я не видалъ здѣсь ни одной гражданской печатной книги для ученья дѣтей. Писать учатъ гражданскими буквами. Счисленію учитъ крестьянина машинка, русскіе счеты, которые дополняетъ домекъ, то есть, природный острый умъ. Величайшую пользу принесутъ этому краю реальныя школы, которыя намѣрено завесть благодѣтельное правительство. Понятія о правилахъ архитектуры, рисованья и прочаго, разовьютъ въ здѣшнемъ народѣ, отъ природы даровитомъ, способности, оживятъ ремесла и поставятъ ихъ на степень искусствъ.

Какіе богомольные здѣшніе крестьяне! Между ними вовсе нѣтъ раскольниковъ. Вклады въ Божьи церкви крестьяне дѣлаютъ чрезвычайные: правда и есть изъ чего! Въ здѣшнемъ краю меньше деревень, нежели селъ. Въѣзжайте на

пригорокъ и окиньте взоромъ окрестность, вокругъ васъ на синевѣ горизонта навѣрно бѣлѣются пять, шесть церквей. Въ иныхъ селахъ двѣ три церкви, а при церквахъ по два по три комплекта церковно-служителей. Наблюдая народный духъ и нравы, я не могъ не замѣтить главныхъ, отличительныхъ, первенствующихъ чертъ того и другаго. Святая Церковь, Царь православный, милая родина, отецъ-помѣщикъ — о! это слова волшебныя въ здѣшнемъ краю. Подвигъ князя Пожарскаго и Минина здѣсь у всѣхъ въ свѣжей памяти, какъ-будто вчера совершился. Отъ мала до велика знаютъ на изустъ это событіе и одушевлены имъ. Именно здѣсь вы увидите Русь православную, истинно теократическую, въ настоящемъ своемъ народномъ видѣ. Жаль только одного, что въ здѣшнемъ краю земледѣліе въ страшномъ упадкѣ. Въ помѣщичьихъ усадьбахъ, которыхъ впрочемъ не много, нѣтъ и въ поминѣ о расчетливомъ, искусномъ, раціональномъ сельскомъ хозяйствѣ. Если бъ познакомить сколько-нибудь этихъ богачей крестьянъ съ хорошимъ хлѣбопашествомъ и домоводствомъ! Многіе изъ нихъ остаются круглый годъ дома, посылая на свои капиталы ходебщиковъ съ товарами. Мнѣ хотѣлось бы внушить имъ и показать на опытѣ, что есть промышленость мать всѣхъ другихъ, которая при искусствѣ даетъ большіе доходы и которою заниматься досужему человѣку и пріятно и безгрѣшно. Мнѣ хотѣлось бы усилить между ними обродничество, которое также въ небреженіи, показать примѣры выгоднаго для здѣшняго края полеводства, научить хорошо содержать скотъ, дать понятіе о хорошихъ погребахъ и подвалахъ для храненія съѣстныхъ припасовъ, познакомить женъ богатыхъ крестьянъ съ заготовленіемъ разныхъ припасовъ въ прокъ на годъ, выучить ихъ дѣлать хорошее масло, сыръ. Полезный трудъ за плечами не тянетъ. Нашъ народъ чертовски понятенъ и переимчивъ, лишь бы только въ чемъ замѣтилъ свою выгоду. Онъ радъ не спать ночи, готовъ броситься въ огонь и въ воду, чтобъ достигнуть желаемой цѣли. Надобно только умѣть взяться за дѣло; не запутывать полезнаго ученою мудрогелью и не переиначивать «вдругъ» жизни и родовыхъ понятій. При этихъ условіяхъ и въ здѣшнемъ краю можетъ возникнуть и процвѣтать народное сельское хозяйство.

Но если хотите видѣть на самомъ дѣлѣ въ полномъ блескѣ

народное русское земледѣліе, то поѣзжайте въ ярославскую губернію, побывайте въ селахъ ростовскаго уѣзда. Вы найдете тамъ напримѣръ село Порѣчье, принадлежащее графу О***. Оно лежитъ при озерѣ, въ немъ три церкви, десятка два каменныхъ крестьянскихъ домовъ. Оно гнѣздо плодопеременности и идеала земледѣльческаго огородничества. Огороды выступили даже на поля. Взгляните, и вы то же найдете теперь въ окрестностяхъ Москвы. У мужичковъ на поляхъ сѣются овощи, морковь, свекла, рѣпа, лукъ, огурцы, разные горохи. Этого мало: въ Порѣчье сѣется цыкорей, шалфей, мята, ромашка. Порѣчье въ особенности промышляетъ огурцами. Тамъ приняты всѣ предосторожности для сохраненія огурцовъ отъ морозовъ. Есть большія поливальныя, на подобіе пожарныхъ, трубы; всегда есть въ готовности солома. Какъ-скоро осенью замѣтятъ, что холодная ночь обѣщаетъ морозъ, крестьяне не спятъ цѣлую ночь, разстилаютъ по огуречнымъ грядамъ солому, заготовляютъ воду, потомъ изъ поливныхъ трубъ къ утру отливаютъ отъ морозу огурцы, которыхъ не успѣли прикрыть соломой и выручаютъ на огурцахъ большія деньги. Гдѣ нѣтъ, а въ Порѣчьѣ всегда есть огурцы, ихъ солятъ и отправляютъ въ Москву, въ Петербургъ и по другимъ городамъ. Не худо бы пресловутымъ *плодосмѣнным*, выгоннымъ хуторамъ, «съ теоріей безъ практики», заглянуть въ здѣшній край, чтобъ сперва поучиться опытному народному хозяйству и потомъ учить тому же безъ фантазмагоріи и басенъ. На дѣло настоящее, а не вымышленое, можно съ охотою пожертвовать капиталы. Ба, да уже слишкомъ два листа печати. Много; а хотѣлось бы еще поразсказать вамъ о многомъ, достойномъ вашего любопытства на русскихъ проселочныхъ дорогахъ. Оставимъ это до другаго времени, а теперь скажите: радовалось ли ваше патріотическое сердце житью бытью и богатству народа русскаго, въ среду котораго брошены сѣмена добра и свободы промысловъ попеченіями правительства, и который обезопасенъ сердобольнымъ, помѣстнымъ управленіемъ отъ своихъ и чужихъ грѣховъ? Эти сѣмяна не пропадаютъ даромъ: они взошли уже и обѣщаютъ пышную жатву: только дайте время развернуться народной жизни и поразмножиться народу смышленому и трудолюбивому. *Д. Шелеховъ.*

=